

Любовь Викторовна КУРКИНА

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Россия, Москва)
lyukurkina@rambler.ru

К ВОССТАНОВЛЕНИЮ ЭТИМОЛОГИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ СЛАВ. **selmę*¹

Одна из задач этимологии состоит в восстановлении структуры и состава распавшихся этимологических гнезд. С ослаблением внутренних системных связей отдельные фрагменты этимологического гнезда приобретают самостоятельный статус и начинают функционировать в отрыве от исходной системы. Процессу разрушения некогда единого гнезда способствуют, в частности, морфонологические различия, которым в ряде случаев сопутствуют и различия в семантике. Следует отметить, что в некоторых случаях ключевая роль в раскрытии родственных связей принадлежит материалам, предоставляемым историческими и диалектными источниками русского языка. Анализ русской лексики на широком славянском фоне помогает продвижению вглубь, расширяет возможности восстановления родственных связей для весьма удаленных и разобобщенных лексем.

Мы попытаемся проследить на примере слав. *selmę, как данные русских источников помогают преодолеть представления об изолированном характере этого образования в славянском словаре. Слав. *selmę отмечено на всей славянской территории в качестве обозначения колоды, бревна, опорной части какой-л. конструкции (дома, текстильного станка, колодца и т. п.): ср. болг. *слеме* 'балка, которая лежит в основании крыши' [БЕР 6: 867], с.-хорв. *слѐме*, *шьѐме* 'верхушка, гребень крыши, кровли; конёк', 'вершина горы' [Толстой² 882], словен. *sléme* 'конёк крыши', 'поперечная балка крыши, к которой подведены стропила', 'поперечная балка в ткацком станке', 'длинный крепкий рычаг большого винного пресса', 'горный хребет' [Plet.² II: 504], польск. *ślemię* 'поперечная балка', «*ślemię z trzech drewien*» 'виселица' [Brückner 531], диал. 'поперечная балка (в мехах кузницы, в конном приводе, соединяющая верхние части стропил и под.', 'балка в конструкции моста, на которую кладут доски', 'балка, образующая конек дома, опирающаяся на стропила', чеш. *slémě*, *slemeno* 'верхняя часть крыши, гребень', морав. *sl'emeno* 'крыша', словц. диал. *slemä* 'дверная рама' и т. д. (подробнее: [Клепикова 1981: 55–61]). Слово отсутствует в памятниках старославянской письменности, но оно известно древнерусским источникам и русским диалектам в церковнославянской форме: ср. др.-рус. цслав. *слѣмла* 'бревно, перекладина', 'стропила, кровельная перекладина' [Срезн. III: 441], рус. цслав. *слѣмя* 'мачта', волж. 'дерево' [Даль² IV: 219], ср. также укр. карп. *слемѐно* 'брус, соединяющий стропила' [Клепикова 1981: 52]. В исследовании Г. П. Клепиковой, выполненном на материале «Карпатского диалектологического атласа», лингвистических атласов националь-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ 19-012-00059 «Лексика славянских языков как наследие и развитие праславянского лексического фонда: словообразовательный, семантический и этимологический аспекты анализа в лексикографическом представлении».

ных языков, диалектных словарей и других источников разного времени, в том числе рукописных, с исчерпывающей полнотой показано многообразие форм и семантики продолжений слав. *selmę в говорах карпатского региона (украинских, польских, чешских, словацких) и на севернославянской территории за пределами Карпат, а также в неславянских языках этого региона [Клепикова 1981: 52–64]. Славянские образования в качестве строительного термина проникают в соседние неславянские языки (румынский, венгерский), ср. карп.-укр. *слембѣна*, *selemen* ‘поперечная балка в потолке’, *селемено* с тем же значением (< венг.) и др. [ЕСУМ 5: 209].

На вост.-слав. территории отмечены соответствующие формы с полногласием — др.-рус. *соломя* в значении ‘вершина’: Гора же Елеонская видѣти, от вышняго края Иѣрслима из монастыря сѣго архаггела Михаила равно съ Иѣрслимом смирена мало в три соломяна — [СлРЯ 26: 135]: Х. Грефения, 402. XV в. ~ 1370 г.), т. е. высота горы Елеонской почти «в три соломяна» приравнена к трем возвышениям, каждое из которых измеряется высотой строения от основания до гребня крыши, такое значение стало результатом переосмысления семантики: ‘брус; опора’ > ‘то, что находится наверху (конек крыши)’ > ‘вершина’. Из других отражений формы с полногласием отметим рус. диал. *солом* ‘перекладина, стропило’ [Клепикова 1981: 58; ЕСУМ 5: 298], зап.-брян. *сóламя* ‘толстое бревно, которое кладут на сохи, служащее опорой для крыши’ [Расторгуев 247]², ‘центральная несущая балка крыши’, ‘стрела колодезного журавля’, вост.-блр. *салам’ано* ‘шест, который служит рычагом при доставании ведра из колодца’ [Клепикова 1981: 58] и др. К этому же ряду примыкают формы с изменением *c > ш* — др.-рус. *шолома* ‘крыша на столбах’, рус. диал. *шóломя* ‘конёк’ [Клепикова 1981: 59]³.

Центром активного функционирования слав. *selmę являются Карпаты, территория южных славян, в меньшей степени активность этого термина наблюдается на территории западных и восточных славян. Это наименование перенесено на не острый, но достаточно широкий верх горы, возвышение, горный хребет и т. д., отсюда топонимы — макед. *Слемено*, с.-хорв. *Slemen*, чеш. *Slemen* и т. д. [Šmilauer 1970: 159; Machek: 553].

Слав. *selmę в составе старых строительных терминов входит в древнейший фонд славянского словаря. В качестве строительного термина слово вторично, обозначение опорной конструкции крыши восходит к простому названию бруса, балки. Как пишет В. Махек, в старые времена крыша дома строилась таким образом, что два вертикальных столба с вилообразным разветвлением наверху подпирали горизонтальный брус, о который верхними концами под наклоном опирались стропила крыши [Machek: 553].

Слав. *selmę изолировано, стоит вне очевидных родственных связей в славянском словаре. И объяснить это можно разрушением этимологического гнезда, составные части которого либо полностью утрачены, либо сохрани-

² В [СРНГ 39: 296] эта лексема приводится из словаря Расторгуева не совсем точно в форме *сóломя*.

³ Сюда не относится др.-рус. *солома* в значении ‘пролив’ [Срезн. III: 461], это слово финско-го происхождения [Фасмер III: 713].

лись очень фрагментарно и с затемнением внутренней формы, что крайне затрудняет поиски родственных образований. При изучении славянского материала привлекают к себе внимание отдельные, не совсем понятные, изолированные лексемы, структура и семантика которых обнаруживает некоторые общие признаки со слав. *selmę. Как правило, по причине неясности такие лексемы относят к категории непонятных, случайных, ошибочно попавших в текст. Однако такие лексемы нельзя исключать из рассмотрения, каждая из них требует к себе особого внимания. К таким случаям можно отнести отмеченные в исторических словарях лексические варианты — *слома* и *сламя*. Действительно, трудно объяснить появление в древнерусских текстах *слома* с таким отражением метатезы плавных. Можно лишь предположить, что появление формы зап.-слав. типа *слома* ‘брус, стропило, перекладина’ в Изб. Св. 1073 г. [СлРЯ 25: 115] обязано каким-то процессам, связанным с переосмыслением слова с затемненной внутренней формой и возможным истолкованием по народной этимологии через сближение со ст.-рус. *сломъ* ‘сломленный ствол дерева, служащий межевым знаком’ (1593 г.) [СлРЯ 25: 114]. Единичными примерами представлена другая слав. лексема *сламя*, имеющая то же значение и сходную структуру, что и *слѣма*, т. е. ‘балка, брус, кровельная перекладина’, но с другой огласовкой корня — *solmę, ср. Есть бо яко сламя храмно (δοκος) (Библ. Генн. 1499 г.) [Срезн. III: 422; СлРЯ 25: 69]. С. Б. Бернштейн отмечает, что древнерусский вариант *сламя* не имеет подтверждений в других языках и тем самым выражает сомнение в реальности этой лексемы [Бернштейн 1974: 186]. При всей значимости сам факт отсутствия слова в других языках еще не может быть аргументом в пользу ненадежности или даже полного отсутствия лексемы в славянском словаре. Слово проходит длинный путь развития, и, как правило, отсутствует прямая связь между письменной фиксацией слова в определенном значении и его исходным состоянием. Отсутствие лексемы в словаре, в частности, может быть вызвано притяжением со стороны формально близкой и более активной лексической группы. Этот процесс сопровождался нивелированием семантических различий, переоформлением структуры слова по образцу активной и доминирующей модели. В результате явления с разными истоками сближаются и с забвением внутренней формы оказываются в одном этимологическом ряду. Принадлежность к одному этимологическому гнезду предполагает не только общее происхождение, но и обусловленность, производность отдельных самостоятельных значений от общей семантической основы, общего признака, который составляет основное содержание слова и гнезда в целом [Шмелев 1964: 83, 95]. Нарушение семантической общности может служить одним из показателей этимологической неоднородности сближаемых лексем.

Представляется, что подобные процессы затронули слав. *solmę. Утрата слова, возможно, связана с перестройкой парадигматических отношений, вызванных активизацией близких по форме омонимичных слов с исходной основой *solma ‘солома’, что не могло не сопровождаться переоформлением, переплетением и поглощением продолжений слав. *solmę*. В связи с этим мы хотели бы остановиться на болгарских диалектизмах с исходным **solm-* — болг.

диал. *слѣмка* ‘железный лом для добывания камня’, *слѣмкъ* ‘железный лом, заостренный с двух краев’ [БД VII: 132; БЕР 6: 850], которые в БЕР рассматриваются в одной статье вместе с продолжениями **solma* ‘солома’. Следует отметить, что в болгарских диалектизмах, формально совпавших с продолжениями **solma*, живет семантика, связывающая его с **selme* / **solme* ‘брус, бревно’ > ‘орудие, лом’. Конечно, нельзя исключать возможности переосмысления **solma* с основным для него значением ‘солома’ в направлении ‘стебель травянистого растения’ > ‘тонкий крепкий ствол дерева’ > ‘брус, бревно’ > ‘орудие труда’, семантически ср. рус. диал. *стебель* ‘стебель травянистого растения’ и ‘черенок ложки’, ‘рукоять весла, вставляемого в уключину’, ‘часть ноги от колена до ступни’ и т. п. [СРНГ 41: 106]. Но в славянских диалектах семантические связи, типичные для продолжений **solma* и его производных, последовательно, без отступлений идут в другом направлении — ‘стебель злаковых растений от корня до колоса’ > ‘солома’. Вполне возможно, что в данном случае имеет место слияние этимологически разных слов, растворение редких диалектизмов в составе более активного гнезда слов. Поэтому с некоторой долей вероятности болгарские диалектизмы с особой семантикой, сближающей с **selme*, могут быть отнесены, как и рус. цслав. *сламя*, к продолжениям слав. *solme*.

С распадом связей исходная основа **sel-*, получив статус изолированного образования, втягивается в сферу действия других словообразовательных отношений и таким образом оказывается втянутой в состав другого этимологического гнезда, исходный смысловой компонент затушевывается и растворяется в семантике нового гнезда. С некоторой долей вероятности можно предположить, что такой процесс затронул некоторые образования с корнем **sel-*, в их числе рус. диал. *осѣлина* ‘продольный брус в повозках, соединяющий переднюю ось с задней; дрога’ (новосиб.), ‘боковой брус кузова у повозки’ (том.), *осѣльня* ‘длинная телега без кузова для перевозки бревен’ (сарат.) [СРНГ 23: 363, 364]. Оказавшись в одном ряду с производными от **ob-sedlъ(jь)* ‘оседлый’ (~ **ob-sedliti*), русский диалектизм адаптировался к семантике исходного глагола и стал восприниматься как деталь повозки, телеги, надетая, поставленная, насаженная на основной корпус. В подобных случаях при сложном переплетении значений остается вероятность и возможность объяснения семантики исходя из гл. **ob-sedliti* [см. ЭССЯ 29: 149].

Слав. **selme*, как и *solme*, имеет структуру образования с суф. *-me*, *-mene* [Sławski. 1974: 126], и, что очень важно, для них отмечено точное соответствие в балтийских языках: лит. *šelmuo*, *šelmėis* ‘кровельный конек, фронтон, длинный брус’. В словаре Френкеля для этих образований допускается чередование с лит. *šalma* ‘длинная балка’, *šalmene* ‘одна из опор, на которых держится крыша’ [Fraenkel: 960, 971]. В балто-славянских лексемах, одинаково оформленных, выполняющих функцию строительного термина, можно видеть подтверждение возможного сохранения в славянских языках архаичного образования с чередованием корневого вокализма.

Анализ с опорой на внутренние резервы языка подводит к выделению в составе образований с суф. *-me* и древним чередованием *e* : *o* корневой морфе-

мы **sel-/sol-*. И это дает некоторые основания для продвижения вглубь, поисков близких образований, возможно в другом оформлении, в русском и славянском словаре. В этой связи с учетом особенностей структуры и семантики исходной основы внимание привлекают диалектизмы с основой *сол-*, расширенной суф. *-ыга/-ига*, ср. серб. цслав. солыга βολίς, *iaculum*, βάκλον, *baculum*, шельга *pertica* [Mikl. LP; Mikl. EW: 314], др.-рус. солыга (*солига*) ‘прут’ (ср. солигами биень оловянными XV в.) [Срезн. III: 462; СлРЯ 26: 137], а также шельга = шольга ‘плеть с куском металла на конце (?)’ (Срезн. III: 1587), приведенные в словаре Фасмера с пометой «неясно» [Фасмер III: 115]. Как производное от солыга может быть истолковано рус. диал. (иркут.) солыжэнка с распространением наименования на травяной стебель, колосок [СРНГ 39: 308]. К этому ряду примыкает др.-рус. селыга ‘палка, прут’ (Усп. сб. XII–XIII вв.) [СлРЯ 24: 48], рус. диал. шельга, шольга ‘посох, кнут, хлыст’, ‘верхушка, макушка’ [Mikl. EW: 314; Фасмер IV: 426], если признать, что отношение *c – ш* в начале слова имеет ту же фонетическую природу, что и в *солудивый – шолудивый* [СлРЯ 26: 137], с.-хорв. слёме – шьёме. С принятием этого допущения в формальном и семантическом плане как будто бы отсутствуют препятствия для объединения приведенных лексем в одно гнездо со слав. **selmę / *sol-mę*. Во всяком случае такое объяснение рус. солыга / солига имеет больше оснований, чем сближение с лат. *salix* ‘ива’, ср.-ирл. *sail*, род. п. *sailech* ‘ива’, др.-в.-нем. *sal(a)ha*, нем. *Salweide* ‘ива’, признаваемое в словаре Фасмера недостоверным [Фасмер III: 715].

В «Этимологическом словаре старославянского языка» [ESJS 10: 597] допускается родство слав. **selmę* и др.-рус. осладь ‘бревно, жердь’, ослядь со значением собирательности ‘строевой лес (бревна, слеги, жерди)’ (перм., вят.) [СРНГ 24: 21, 27], ослѣдина ‘толстое бревно’ [Опыт: 144] и т. д. < **obsl-ędb* с корневым гласным в нулевой ступени.

Несмотря на ограниченный материал, трансформации образований и все сопутствующие этому трудности, представляется возможным наметить контуры этимологического гнезда, объединяющего рассеянные по славянским языкам изолированные образования с опорой на особенности структуры и семантики, а именно наличие суф. *-mę*, чередование *e : o* в корне и общая семантическая основа ‘палка, дубина, балка’.

На этом исчерпаны возможности внутренней реконструкции на славянском уровне. Производящая основа для этих образований на индоевропейском уровне остается неясной. При определении круга и.-е. соответствий наибольшие трудности вызывает начальное *s-* в слав. **selmę*. Признаются неубедительными все известные опыты истолкования исходной основы. По гипотезе О. Н. Трубачева, слав. **selmę* относится к группе лексем, в которых в ранне-праславянский период (до развития тенденции открытых слогов, до монофтонгизации дифтонгов и других явлений) и.-е. *k'* палатальное отражалось как аффриката **c (ts)*, прежде чем изменилось в *s* [Трубачев 1973: 305, 313]. Требуется фонетического обоснования попытка В. Махека выведения слав. **selmę* < и.-е. **k'el-men-* и этимологическим отождествлением корневой морфемы в лит. *šelpiù, šelpti*, нем. *helfen*, изначально ‘подпирать, помогать’

[Machek: 554]. В литературе ставится под сомнение соотнесение слав. *selmę с др.-исл. *skalm* ‘развилок’, так как последние связаны с лит. *kélmās* ‘пень’ и т. д. [Фасмер III: 669]. Напротив, учитывая многочисленные случаи, когда спланту в сатемных языках соответствуют в балтийских *k/š, s*, В. Н. Топоров считает оправданным сближение слав. *selmę с прусск. *kalmus* ‘палка’, ‘трость’, ‘пень’, лит. *kélmās* ‘пень’, ‘комель’, ‘колода’ и лит. *šelmūð* ‘длинное бревно’, ‘конёк крыши’ и в конечном итоге допускает реконструкцию и.-е. *kel- ‘возвышаться, подниматься’, полагая, что значения балтийских слов «коренятся в семантической сфере, обозначающей нечто крепкое, плотное, массивное, грубое, необработанное и т. п. (ср. ‘пень’, ‘комель’ в связи с лит. *kélmās*)» [Топоров. Прусс. яз. I–K: 172–174]⁴. И, наконец, признается маловероятным соотнесение слав. *selmę с греч. σέλμα ‘брус, помост’, ‘палуба’, ‘скамья гребцов’, англос. *sealma, selma* ‘ложе’ (т. е. ‘деревянная кровать’) на том основании, что для них предполагается исходная и.-е. форма с начальным *k’s [Фасмер III: 669]. Преодолеть трудности фонетического порядка и адекватно объяснить начальное -s помогает предположение об аблаутных отношениях и.-е. *sel- ‘доска, балка’ и *suel-: лит. *súolas* ‘скамья, стул’ (< sel-), *siles* ‘ясли’ (< *s_l-io/*s_l-iē) и, что очень важно, греч. σέλμα ‘палуба, скамья, помост, площадка’ (< *suel-mḗ-*) [Boisacq² 858], др.-в.-нем. *swelli* ‘порог’, ср.-в.-нем. *swelle* ‘балки’ [Pokorny: 898; Fraenkel: 942, 785; БЕР 6: 867].

СЛОВАРИ

- БД VII — Петко Ив. Петков. Еленски речник // Българска диалектология. Проучвания и материали. Кн. VII. София: Изд. На Българската Академия на науките, 1974. С. 3–175.
- БЕР 6 — Български етимологичен речник. Т. 6. Редак. Вл. Георгиев, Т. Тодоров, И. Дуриданов и др. София: Академично издателство «Проф. Марин Дринов», 2002. 886 с.
- Даль² IV — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. IV. Второе издание. исправленное и значительно умноженное по рукописи автора. Набрано и напечатано со второго издания «1880–1882 гг.». Москва: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1982. 683 с.
- ЕСУМ 5 — Етимологічний словник української мови. У семи томах. / Ред. кол.: О. С. Мельничук, В. Т. Коломієць, Т. Б. Лукинова, Г. П. Півторак, В. Г. Скляренко, О. В. Ткаченко. Т. 5. Київ: Наукова думка, 2006. 704 с.
- Лексика Полесья — Лексика Полесья. Материалы для полесского диалектного словаря. Отв. редактор Н. И. Толстой. М.: Наука, 1968. 473 с.
- Опыт — Опыт областного великорусского словаря. СПб.: тип. Имп. Акад. Наук, 1852. 275 с.
- Расторгуев П. А. Словарь народных говоров Западной Брянщины (Материалы для истории словарного состава говоров). Ред. Е. М. Романович. Минск: Наука и техника, 1973. 295 с.
- Срезн. III — Срезневский И. И. Материалы для древнерусского словаря по письменным памятникам. Т. III. СПб.: изд. Отд-ния рус. яз. и словесн. Имп. Академии наук, 1903. 994 с.
- СлРЯ — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–31. М.: Наука; Азбуковник; Нестор-История; ЛЕКСРУС, 1975–2019. Вып. 24. М.: Наука, 2000. 254 с.; Вып. 25. М.: Наука, 2000. 273 с.; Вып. 26. М.: Наука, 2002. 278 с.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 1–51. Л.–СПб.: Наука, 1966–2019. Вып. 23, Л.: Наука, 1987, 375 с.; Вып. 24, Л.: Наука, 1989, 367 с.; Вып. 39, СПб.: Наука, 2005, 367 с.; Вып. 41, СПб.: Наука, 2007, 362 с.

⁴ Попутно заметим, что существует версия, по которой истоки балтийские образований вместе со слав. *čьlнь определяются в гнезде и.-е. *(s)ker- ‘резать, сечь, рубить’. См. [Mažiulis 1993: 89–91].

- Толстой — *Толстой И. И.* Сербско-хорватско-русский словарь. Изд. 2-е, стереотипное. М.: ГИИНС, 1958. 1168 с.
- Топоров. Прусс. яз. I–K — *Топоров В. Н.* Прусский язык. Словарь. I–K. М.: Наука, 1980, с. 384.
- Фасмер — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. В 4-х тт. Перевод с немецкого и дополнения О. Н. Трубачева. Издание второе, стереотипное. М.: Прогресс, 1987. Т. III, 831 с.; Т. IV. 860 с.
- Boisacq² — *Boisacq É.* Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Étudiée dans ses rapports avec les autres langues indo-européennes 2-éd. Heidelberg, Paris, 1923. 1123 p.
- Brückner — *Brückner A.* Słownik etymologiczny języka polskiego. Warszawa: Wiedza Powszechna, 1957, 805 s.
- ESJS 10 — Etymologický slovník jazyka staroslověnského. Seš. 10. Hl. red. A. Erhart. Praha: Academia, 2000.
- Fraenkel — *Fraenkel E.* Litauisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg; Göttingen: Carl Winter Universitätsverlag – Vandenhoeck & Ruprecht, 1962, 1551 S.
- Machek — *Machek V.* Etymologický slovník jazyka českého. Fotoprint podle 3. vydání z roku 1971. Praha: Nakladatelství lidové noviny, 1997, 866 s.
- Mažiulis V. Prūsų kalbos etimologijos žodynas. T. 2: I–K. Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidykla, 1993. 331 p.
- Mikl. EW — *Miklosich F.* Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen. Wien: Wilhelm Braumüller, 1886. 547 S.
- Mikl. LP — *Miklosich F.* Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum. Vindobonae, 1862–1865. 1171 S.
- Plet.² — *Pleteršnik M.* Slovensko-nemški slovar. T. II. Transliterirana izdaja. Uredila M. Furlan. Ljubljana: ZRC SAZU, Založba ZRC, 2006, 967 s.
- Pokorny — *Pokorny J.* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I–II. Bern; München: Francke Verlag Bern, 1949–1959.
- Šmilauer 1970 — *Šmilauer V.* Příručka slovanské toponomastiky. Praha: Academia, 1970. 215 s.

ЛИТЕРАТУРА

- Бернштейн С. Б.* Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М.: Наука, 1974. 378 с.
- Клепикова Г. П.* Карпатская лексика и ее отношение к лексике иных зон славянского мира. 6. *S(E)LEM(B) // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1981. М.: Наука, 1984. С. 52–64.
- Трубачев О. Н.* Лексикография и этимология // Славянское языкознание. VII Международный съезд славистов. М.: Наука, 1973. С. 294–313.
- Шмелев Д. Н.* Очерки по семасиологии русского языка. М.: Просвещение, 1964. 244 с.
- Ślawski F.* Zarys słowotwórstwa prasłowiańskiego // Słownik prasłowiański. T. 1: A–B. Pod redakcją Fr. Ślawskiego. Wrocław etc.: Wydawnictwo Polskiej akademii nauk, 1974 С. 43–141.

СОКРАЩЕНИЯ

англос. — англосаксонский, болг. — болгарский, венг. — венгерский, волж. — волжский, вост.-брян. — восточнобрянский, вост.-слав. — восточнославянский, вят. — вятский. греч. — греческий, диал. — диалектный, др.-в.-нем. — древневерхненемецкий, др.-исл. — древнеисландский, др.-рус. — древнерусский, зап.-брян. — западнобрянский, и.-е. — индоевропейский, иркут. — иркутский, карп. — карпатский, лат. — латинский, лит. — литовский, лтш. — латышский, морав. — моравский, нем. — немецкий, новосиб. — новосибирский, перм. — пермский, польск. — польский, прусск. — прусский, рус. — русский, сарат. — саратовский. слав. — славянский, слвц. — словацкий, словен. — словенский, ср.-в.-нем. — средневерхненемецкий, ср.-ирл. — среднеирландский, ст.-рус. — старорусский, с.-хорв. — сербохорватский, суф. — суффикс, том. — томский, укр. — украинский, цслав. — церковнославянский, чеш. — чешский.